

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ЭДВАРД БРУК-ХИТЧИНГ

ПОДБРАСЫВАНИЕ ЛИСИЦ

И ДРУГИЕ ЗАБЫТЫЕ
И ОПАСНЫЕ ВИДЫ СПОРТА

Эдвард Брук-Хитчинг
Подбрасывание лисиц
и другие забытые и
опасные виды спорта
Серия «Культура повседневности»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68029537

*Подбрасывание лисиц и другие забытые и опасные виды спорта: Новое
литературное обозрение; Москва; 2022
ISBN 9785444820681*

Аннотация

Некоторые виды спорта известны и любимы. Некоторые прочно забыты. А некоторые просто не должны были существовать. Детский бокс и лыжный балет, древнеримские инсценировки морских сражений и шотландский гольф в темноте, охота на птиц с двухметровым ружьем и живодерские развлечения с кошками... На протяжении своей истории человечество придумало множество курьезных, удивительных и возмутительных способов провести досуг и продемонстрировать удаль. В своей книге Эдвард Брук-Хитчинг дает краткие описания более чем 90 видов спорта и показывает, на что способна человеческая изобретательность, часто граничащая с

жестокостью и безрассудством. Эдвард Брук-Хитчинг – писатель, автор бестселлеров «Библиотека сумасшедшего» (книга года 2020 по версии Sunday Times), «Небесный атлас» (2019), «Золотой атлас» (2018) и других. Автор популярной телепрограммы QI (Quite Interesting) на BBC, член Королевского географического общества.

Содержание

Благодарности	6
Введение	7
Аэрогольф	15
Водная тренога	17
Автомобильное поло	20
Детский бокс	25
Прыжки с воздушным шаром	29
«Раскоряживание» белки	37
Прыжки через бочки	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эдвард Брук-Хитчинг Подбрасывание лисиц и другие забытые и опасные виды спорта

На обложке: «Заводчики собак проверяют таланты своих псов во время утиной травли». Иллюстрация Теодора Лейна из книги Пирса Игана «Спорт как отражение жизни: включая скачки, преследование, ринг и сцену» (1832).

Copyright 2015 by Edward Brooke-Hitching

© Дм. Панайотти, перевод с английского, 2022

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

* * *

*Моим родителям (самым настоящим
чемпионам)*

Благодарности

Я благодарю Чарли Кемпбелла, Иэна Маршалла и команду издательства Simon & Schuster, всех Брук-Хитчингов, Гарри Мэна, Алекса Ансти, Дейзи Ларами-Бинкс, Мэттью и Джемму Траутонов, Ричарда Джонса, Мари-Ив Поже, Патрика Фишера, Холли Уэбб, Бруно Кавалларо, Кэтрин Энсти и Уилла Волкера, Алекса Попоффа, Кейт Авад, Томаса Ходжкинсона, Линдси Фиц-Харрис, Клер Спенсер, Хоуп Браймлоу и сотрудников Британской библиотеки. Отдельное спасибо Роджеру Гриффитсу и Ричарду Фатторини из Sotheby's за их неоценимую помощь в поиске источников некоторых иллюстраций.

Введение

Спорт: нечто, что дает отдых уму, отвлекая его от забот.

Сэмюэл Джонсон

21 января 2014 года глава крупнейшей в мире корпорации по производству экипировки для гольфа, обращаясь к участникам отраслевой конференции, заявил, что их спорт умирает. Марк И. Кинг, руководитель компании TaylorMade, обратил внимание аудитории на резкое падение числа игроков и предложил всем вместе подумать, как спасти игру от смертельной опасности.

«Мы лишились пяти миллионов игроков за последние десять лет!» – сетовал Джо Бедиц, глава Национальной ассоциации гольфа, стоя перед экраном с гигантской надписью «5 000 000 ПОТЕРЯНО!». «Пять миллионов! И это из тридцати!» Цифры показывают, что – по крайней мере в США – количество увлеченных гольфистов, тех, кто играет хотя бы восемь раз в год, сократилось на 25 %.

«Каждый четвертый! – продолжал Бедиц. – А ведь это ядро нашей аудитории, люди, которые играют 90 % всех партий и приносят нам 90 % дохода...»

Пока неизвестно, постигнет ли гольф участь птицы додо, но паника, охватившая его руководителей, показывает одну

важную вещь: никакому спорту не гарантировано бессмертие. А то, что может умереть, может быть забыто.

Идея этой книги родилась благодаря труду Ханса Фридриха Флемминга «Безупречная немецкая охота» (*Der vollkommene teutsche Jäger*), опубликованному в 1719 году. Мой взгляд привлекла чрезвычайно загадочная иллюстрация, изображающая развлечение, называемое *Fuchsprellen* («подбрасывание лисиц»). И хотя мой старонемецкий, честно говоря, несколько запылился, странное сочетание слов «лиса» и «подлетать» было невозможно не заметить. На это указывала и сама картинка, на которой щегольски одетые дворяне небрежно подбрасывали растопыривших лапы животных к небу. Я отправил свои заметки одному букинисту, чтобы узнать, наткнулся ли он раньше на упоминания подобного спорта. Он ответил, что, если я хочу разыграть его, мне лучше придумать что-нибудь более правдоподобное.

Перед нами спорт, который ускользнул из сетей традиционного исторического анализа и который в то же время является одной из самых эксцентричных и любопытных традиций германской охоты (а это, поверьте мне, кое-чего стоит). Тот факт, что *Fuchsprellen* со временем оказался так прочно забыт, заставляет задуматься: сколько еще подобных видов спорта постигла такая участь? «Подбрасывание лисиц и прочие виды спорта» – это попытка обшарить потайные карманы истории, чтобы найти ответ.

Слово «спорт» происходит от старофранцузского

desporter – «развлекаться, забавляться, получать удовольствие». До относительно недавнего появления концепции утвержденных правил спорт веками воспринимался как активное времяпрепровождение для удовольствия (особенно это относилось к охоте). Например, Сэмюэл Джонсон так определяет это слово в словаре 1755 года: «Забава, развлечение, игра; резвое и буйное веселье». В качестве альтернативного значения приводится «развлечение на открытом воздухе, такое как ловля птиц, охота, рыбалка». Эта книга опирается и на старые, и на современные критерии, чтобы наиболее полно ранжировать все забытые формы – как традиционные, так и эфемерные, маргинальные, – которые спорт принимал в течение веков.

До недавнего времени историки и писатели не считали спорт чем-то заслуживающим особенного упоминания, и поэтому до нас дошло меньше сведений о нем по сравнению с другими сферами жизни той или иной эпохи. Однако изучая, как развлекались наши предки, мы получаем уникальную возможность понять их отношение к морали, юмору и испытаниям повседневной жизни. На самом деле спорт часто играл значительную роль в развитии цивилизации. В Древнем Риме игры в Колизее и на других грандиозных аренах были не только развлечением для черни, но и демонстрацией политического могущества; в Англии власти зачастую пытались запретить такие виды спорта, как футбол, опасаясь, что они будут отвлекать народ от военно-прикладных заня-

тий вроде стрельбы из лука или фехтования на мечах. Особенно в этом усердствовал Эдуард III. На его царствование пришлось опустошительная Черная Смерть, и сильно поредевшая в результате эпидемий армия отчаянно нуждалась в хорошо тренированных рекрутах. Указ от 1363 года требовал, чтобы подданные оставили легкомысленные увлечения: «Мы приказываем, чтобы вы все до единого под страхом тюремного заключения отказались от метания камней, палок и железа, а также ножного и ручного мяча, загона зверей, петушиных боев и других праздных игр».

У спорта также есть длительная история противостояния с Церковью. Вместо того чтобы чтить день субботний, многие предпочитали пинать надутый свиной пузырь, играть в кольца или во что угодно еще, на что можно сделать ставку. Ситуацию, без сомнения, усугублял еще и тот факт, что в ранних формах футбола, когда игра шла деревня на деревню, целью участников было забить мяч в церковный двор соперников. К тому же это были очень грубые состязания, где никого не удивляли повреждения имущества, увечья и даже смерть. Пуританский писатель Филип Стаббс выступал против футбольной жестокости в своей «Анатомии пороков» (The Anatomie of Abuses, 1583):

Иногда они ломают себе шеи, иногда спины, иногда ноги или руки, конечности вылетают из сочленений, из носов хлещет кровь... футбол порождает зависть и ненависть, а подчас – драки, убийства и кровопролитие.

Мало что изменилось с тех пор.

Несмотря на то что маргинальные виды спорта во все эпохи часто ускользали от внимания хронистов, при достаточном усердии информацию о них можно раскопать. Содержимое этой книги собрано из самых разных источников: от Светония до Шекспира; от исландских саг до флорентийских манускриптов XIV века; от еженедельника *Kentish Gazette* 1794 года до похвального слова лорда Баден-Пауэлла «Охота на кабанов, или Закалывание боровов» (*Pigsticking or Houghunting*, 1889).

Изучая эти забытые игры, можно сделать много неожиданных и увлекательных открытий, как то: какой лондонский театр обязан своим происхождением жестоким развлечениям с травлей животных? какая кровавая тайна связана с появлением идиомы «бить вокруг куста» (*to beat around the bush*)? в чем история шипованного собачьего ошейника (оказывается, у него есть практическое применение – помимо того чтобы родители сокрушались о ваших жизненных приоритетах)?

Причины, по которым эти виды спорта оказались забыты, разумеется, многочисленны и разнообразны, но в целом их можно разделить на три основные категории: жестокость, опасность и нелепость. Жестокость – причина наиболее распространенная. У человечества очень скверный послужной список в отношениях с животными, но осознать масштабы беды можно, только погрузившись в изучение всего стран-

ного многообразия живодерских развлечений. Такие виды спорта, как хватание угря, закалывание поросенка, невообразимое итальянское бодание кота и, конечно, подбрасывание лисиц, попадают в эту категорию: эти «игры» были полны бессмысленной жестокости, но в свое время они считались вполне мирным способом скрасить досуг перед ужином. По мере того как общество развивалось, к использованию животных в качестве спортивного инвентаря стали относиться строже – в результате эти развлечения оказались вне закона и отправились на свалку истории.

В категорию «опасность» попадают виды спорта, которые пришли в упадок или просуществовали недолго из-за огромного риска для участников. Здесь стоит упомянуть, например, прыжки с воздушным шаром, спуски с водопадов, бокс с фейерверками – все эти развлечения из разных эпох объединяет общее требование, которое они предъявляли к спортсменам: абсолютное безумие. Поначалу элемент опасности привлекал к ним сорвиголов, но высокий уровень смертности что угодно выведет из моды. Именно это и произошло с подобными играми – благодаря юридическим запретам или просто вновь обретенной тяге к жизни.

И наконец, лучшим примером «нелепости» служит лыжный балет. Этот спорт – затянутый в лайкру франкенштейновский монстр, слепленный из трюковых лыж, танцев на льду и чудовищно плохого вкуса. Собирая информацию для подобных книг, невольно заводишь себе фаворитов, и я дол-

жен признать, что из всех видов спорта, заслуживающих воскрешения, я больше всего жду новых чемпионатов по лыжному балету. Каждому спорту нужны свои личности, чемпионы и первопроходцы: для прыжков с воздушным шаром им был авиатор Доббс по прозвищу Умник; для подбрасывания лисиц – император Август Сильный; для лыжного балета – Сюзи Чаффи, также известная как Помадка. Мой персональный герой – Жан-Жозеф (Джон Джозеф) Мерлин, изобретатель роликовых коньков. Эксцентричный бельгийский инженер создал много мудреных приспособлений, музыкальных инструментов и автоматов (включая поразительного Серебряного Лебедя из музея Боуз), но прославился он благодаря катастрофической презентации своих ботинок на колесиках в 1760 году. Писатель Джозеф Стратт излагает подробности этого события («Спорт и досуги английского народа», 1801). Читая нижеследующее описание, держите в уме, что, согласно другим источникам, Мерлин одновременно с этим играл на скрипке.

Джозеф Мерлин из Льежа, прибывший в Англию вместе с испанским послом в 1760 году, изобрел коньки, скользящие с помощью колесиков. Но их представление публике не увенчалось успехом. Катаясь на них на маскараде в Карлайл-Хаус в Сохо, он врезался в зеркало стоимостью в 500 фунтов. Он не только разбил зеркало вдребезги, но и сам получил серьезные ранения.

Идея этой книги родилась из картинки, изображающей,

как немцы в XVIII веке подбрасывают в воздух лисиц, и ощущения странности происходящего; эксцентричность здесь не просто присутствует – она воспевается. В приведенные здесь истории иногда сложно поверить, но они помогают нам заглянуть в прошлое и по-новому оценить чувство юмора, изобретательность, а порой и полнейшее безумие наших предков.

Аэрогольф

Поле для гольфа может быть опасным местом: отклонившийся от траектории мячик, удар молнии, случайно забредший аллигатор – но, кроме всего этого, гольфисты 1920-х могли пострадать еще и от атаки пикирующего легкомоторного самолета.

Первая официальная партия в аэрогольф состоялась 27 мая 1928 года в американском гольф-клубе «Олд Вестбери» в Лонг-Айленде. Команда состояла из гольфиста на поле и пилота в небе над ним, который начинал партию, сбрасывая мячик, чтобы напарник на земле отправил его в цель. В этот раз пилотами были Артур Капертон и М. М. Меррилл, вылетевшие с аэродрома Кертис на самолетах, нагруженных гуттаперчевыми снарядами. Выбрав курс, они пролетели над полем на высоте в 50 футов (чуть больше 15 метров), сбрасывая мячики как можно ближе к лункам на всех девяти участках поля. Зрители наводнили поле перед началом игры, а некоторые, как сообщается, даже наблюдали за происходящим со своих собственных самолетов.

Как выяснилось, Меррилл был прирожденным аэрогольфистом. Все его мячики легли рядом с лунками, что здорово облегчило задачу его партнеру по команде Уильяму Хаммонду. Капертон был не так точен, и его напарник Уильям Уинстон был вынужден трижды выбивать мяч из высокой

травы. В итоге Меррилл и Хаммонд победили пару Капертон/Уинстон с разницей в три удара. В матче, организованном два месяца спустя, участвовал конгрессмен Фиорелло Ла Гуардиа, а к 1931 году даже звездный бейсболист Тай Кобб рассекал по небу над Джорджией и швырял мячики с пассажирского сиденья моноплана «Американский орел».

Любопытно, что существовал еще один, не связанный с вышеописанным, вид спорта, именуемый «гольф на аэропланах». В матче, состоявшемся в 1918 году в Техасе, использовалось «поле» длиной более 180 миль (около 290 миль). Лунками служили почтовые ящики, установленные на девяти разных лугах. Участники поднялись в воздух с аэродрома Колл Филд и, двигаясь по азимуту, должны были найти все девять полей. Затем им требовалось приземлиться, написать свое имя и время прибытия на листке бумаги, опустить его в почтовый ящик и продолжить полет к следующему пункту. В Британии был распространен вариант правил, в котором пилоты сбрасывали на цели «бомбы» с мукой, засыпая белой пылью безупречные английские газоны. Многочисленные разновидности таких состязаний (например, к мячикам могли прикреплять парашюты) проходили по всему миру, пока не началась Вторая мировая война, когда всем, само собой, стало не до того.

Водная тренога

В охоте на водоплавающую птицу есть один существенный изъян: вы вынуждены оставаться на берегу и беспомощно наблюдать за тем, как ваша добыча гребет прочь. Изобретение «уточницы» – крупнокалиберного дробовика, закрепляемого на лодке, – стало решением этой досадной проблемы, но превращало охоту из преследования дичи в настоящую бойню.

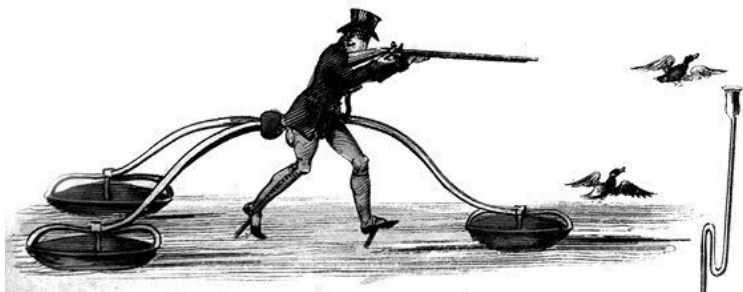
Альтернативная идея возникла в 1820-е. Водная тренога – выбор настоящего птицелова, и ее действие – это, я вам скажу, нечто необыкновенное. Механизм состоял из трех изогнутых металлических прутьев, соединенных посередине и поддерживающих сиденье охотника. На концах прутьев находились понтоны из двух скрепленных металлических дисков диаметром примерно с большую тарелку. Охотник взгромоздился на седло, которое также служило опорой для груди и позволяло наклониться вперед при стрельбе. Для дополнительной безопасности конструкция была оборудована стремянами. Тем, кто готов был серьезно вложиться в истребление уток, предлагались дополнительные возможности: стойка для удочки, упор для ружья, корзина для дичи.

Все это, разумеется, не имело бы смысла без возможности двигаться по воде. Считается, что решение нашел некий шотландец по фамилии Кент: он догадался прикрепить к

подошвам охотника два пятидюймовых жестяных весла на ремнях. Благодаря этому неспешный темп можно было поддерживать, совершая движения как при катании на коньках. Если же требовался резкий рывок, то надо было взяться руками за ручки на упоре для груди, а ногами толкаться от воды на манер огромной лягушки.

Англия впервые узрела водную треногу в действии зимой 1822 года, когда на реках и озерах появилось множество перелетных птиц из Арктики. Газета *Chester Chronicle* писала:

Оные птицы обрели себе на погибель отчаянных врагов в лице двух жителей из, как мы полагаем, Линкольншира; у них был своего рода плот, на котором они перемещались вдоль берегов рек и озер, влекомые течением. Плот был снаряжен большим ружьем... В отсутствие дополнительной информации мы тем не менее предположим, что этот плот не что иное, как Водная Тренога или Триципед, который недавно и с большим успехом применялся на водоемах Линкольншира.

Водная тренога. Иллюстрация из книги Джона Бэджока «Домашние развлечения» (1823)

Но встретить треноги можно было не только на внутренних водоемах Британии. В «Домашних развлечениях» (Domestic Amusements, 1823) Джон Бэджок упоминает джентльмена из Схевенингена¹ (Нидерланды) по имени Андреас Шеерборн, который разработал собственную модель, не оригинальную, но прочную. Голландец нередко выходил на ней в Северное море, умудряясь раз за разом выбираться живым из четырехметровых волн.

¹ Сегодня – район Гааги. – *Прим. ред.*

Автомобильное поло

История конного поло – благородной «игры королей» – уходит в глубокую древность: оно было изобретено в VI веке до н. э. в Персии для тренировок конницы. С тех пор игра распространилась по разным странам от Египта до Китая, от Японии до Константинополя и Индии, где ею заинтересовались британцы. Почти две тысячи лет этот спорт просуществовал в первоизданном виде, но однажды все изменилось – так обычно и происходит, если до чего-то добираются американцы. Поприветствуем «автомобильное поло»!

«Если вы не умрете от страха, то точно лопнете от смеха, – рассказывал один болельщик корреспонденту Miami News в 1924 году. – Я видел всевозможные виды спорта по всему миру, но автополо всем даст сто очков вперед по скорости и напряженности. Если у вас слабое сердце и вам нельзя волноваться, держитесь от него подальше».

Идея заменить благородных и проворных пони на трескучие автомобили впервые возникла в 1902 году: тогда же в Бостоне состоялся первый матч по автополо. Член элитного поло-клуба Дэдхем Джошуа Крейн-младший анонсировал показательные соревнования по новому виду спорта. Крейн был одновременно и увлеченным игроком в поло, и автомобилистом, и ему быстро пришло в голову объединить свои хобби. К изумлению собравшейся толпы, он выехал на поле

Дэдхемского клуба на машине и стал гонять мяч клюшкой, второй рукой держась за руль. «Все происходило настолько быстро, что неподготовленному зрителю было тяжело уследить за его игрой, – писала Chicago Daily Tribune о представлении Крейна. – Шустрые маленькие машинки разогнались до сорока миль за несколько футов, и практически так же быстро останавливались».

Автомобиль становился частью повседневной жизни, принося с собой упоение скоростью, и новому поколению адреналиновых наркоманов традиционное поло на пони казалось пресным развлечением. Вышедший в 1908 году «Форд Т» благодаря своей доступности, легкости и устойчивости к постоянным повреждениям сразу полюбился энтузиастам автополо.

По мере развития игры правила автополо постепенно совершенствовались, но по сути своей оставались очень похожи на правила конного варианта. Поле обычно было 300 футов в длину и 120 в ширину (примерно 91 на 36 метров), с двумя зачетными зонами, которые были ограничены стойками, вбитыми на расстоянии 15 футов друг от друга. Цель игры – провести мяч размером с баскетбольный – мимо четырехколесных противников и загнать его в их зачетную зону. Судья же должен был следить за соблюдением правил на своих двоих, параллельно уворачиваясь от приближающихся машин. Он часто останавливал игру, чтобы дать возможность игрокам растащить столкнувшиеся машины или что-

бы позволить загонщику, вооруженному деревянным молотком, вернуться на свое место, если он выскочил из машины за секунду до столкновения. Игроки достигли большого мастерства в подобных маневрах, и игра быстро возобновлялась, как только становилось понятно, что вмешательства врачей не требуется. Вскоре сиденья стали оборудовать ремнями, чтобы избегать нежелательных падений, а к машинам начали крепить каркасы безопасности для защиты от столкновений. Часто автомобили полностью переворачивались, и застрявшие в таком положении игроки должны были своими силами выбираться на свободу и приводить машину в порядок.

Вообще говоря, во время самых горячих схваток автополо больше напоминало brutальные ярмарочные шоу с уничтожением машин, чем благородный конный спорт. К восторгу толпы, игроки концентрировались не на борьбе за мяч, а на выводе оппонентов из игры. И только когда машины противников оказывались перевернуты, кто-то вспоминал, что можно еще и забить гол. Такой подход, разумеется, делал автополо чрезвычайно захватывающим зрелищем. Способствовало его популярности еще и то, что в него, в отличие от конной разновидности, можно было играть в крытых помещениях: маленьким маневренным машинкам нужно было куда меньше места, чем восьми галопирующим лошадям. Таким образом в него можно было играть круглый год, обеспечивая зрителям комфорт.

Соревнования по автополо в Реджайне, провинция Саскачеван. Снимок показывает, насколько опасен был этот спорт. Архив музея Гленбоу, NS-38-4

Автополо активно освещалось в прессе, и его популярность распространилась по всей Америке. Поклонники новой игры организовывали клубы и устраивали выставочные матчи на ярмарках, спортивных фестивалях и в цирках. Постоянный риск вылететь из машины, столкнуться или угодить под колеса разжигал энтузиазм не только у болельщиков, но и у игроков. («Сложно придумать игру, в которой иг-

роки подвергались бы большей опасности», – писал журналист в 1912 году.) Все это создавало очень волнующую атмосферу, которую Prescott Journal Miner в номере от 7 ноября 1917 года характеризовал так: «Если кто-то приходит посмотреть на игру, ожидая средненького развлечения, его ждет грандиозный сюрприз в самом лучшем смысле. Вы будете хохотать, вы будете замирать от волнения, вы будете переживать до мурашек. Кажется, что сам воздух здесь пронизан возбуждением, а зрители полны эмоций и охвачены общим энтузиазмом».

Автополо завоевало поклонников даже среди особ королевской крови. В 1913 году команда из американской Вичиты совершила путешествие в Англию, чтобы сыграть показательный матч в присутствии Георга V. Монарху не терпелось увидеть, как же американцы смогли улучшить «игру королей». Новый спорт приняли с таким восторгом, что спортсменам пришлось отправиться в двухнедельный тур по Европе. Однако к 1930-м энтузиазм к автополо постепенно угас. Этому поспособствовала и дороговизна подобного развлечения, связанная с постоянными травмами игроков и повреждениями машин, и развеявшееся обаяние новизны. Непостоянная зрительская любовь переметнулась к еще более свежим развлечениям, например, к автородео, где ковбои с помощью лассо связывали и загоняли машины вместо привычных всем быков.

Детский бокс

В 1919 году Спайк Уэбб, уважаемый боксер и отставной сержант американской армии, стал преподавателем и тренером по боксу в Морской академии в Аннаполисе, штат Мэриленд. «Он воспитывал в курсантах настоящий характер, – говорил о нем адмирал Роберт Б. Пири. – Его уроки помогали нам не сдаваться, когда вокруг становилось жарко». А адмирал Уильям Ф. Холси однажды заявил: «Спайк Уэбб – величайший психолог, которого я встречал в жизни».

Получив должность, Веб первым делом организовал Морскую юниорскую боксерскую программу – курс контактного бокса, призванный закалить сыновей офицеров и гражданских служащих академии. Сюда принимали мальчиков от пяти до одиннадцати лет, которые затем проходили многонедельные тренировки на пути к финальным боям. Журналисты, снимавшие бои для международных новостей, быстро прозвали эти соревнования «детским боксом».

Детский боксерский поединок 21 января 1933 года. Дерутся два самых юных боксера академии. Гордон Бейрд

Уайт (слева) – трехлетний сын лейтенанта Уайта и миссис Т. Б. Уайт, а Тодди Кэрролл – четырехлетний сын лейтенанта Кэрролла и миссис Честер И. Кэрролл. NEA – Национальная образовательная ассоциация

Мальчики распределялись по парам с соперниками примерно равных габаритов, надевали боксерские перчатки и проводили несколько раундов по правилам настоящего бокса, а одноклассники и родители следили за ними из зала. Поединки были существенно короче, чем у взрослых, да и к самим бойцам, весившим в среднем килограмм двадцать с небольшим, публика относилась снисходительно. Никто не осуждал их, если, получив по носу и огорчившись, они искали убежище в материнских объятиях.

В 1962 году программу возглавил тренер Рубино. Под его началом оказались 126 боксеров весом от 13 до 50 килограммов, которым предстояло пять недель тренировок перед поединками. Вот какое письмо Рубино разослал участникам 43-го набора юных боксеров:

Мальчикам Морской юниорской боксерской программы.

Дорогие мальчики!

Программа, частью которой вы стали, дает вам много возможностей стать настоящими молодыми мужчинами. В боксе «давать и получать» – это часть игры. В жизни часто приходится держать удар и возвращаться в бой. На ринге вы научитесь переживать

неудачи и продолжать сражаться, не падая духом.

Вы научитесь управлять одновременно и своим телом, и своими мыслями. Вы научитесь верить в себя и сохранять спокойствие под давлением. И самое главное, вы усвоите принцип честной игры. И если вы усвоите его как следует, вам никогда не придет в голову обижать слабых.

Мальчики, занимающиеся боксом, укрепляют дух и тело. Вы поймете, что такое спортивный дух и что главное не победа, а старание. И это достойное чувство останется с вами, даже когда вы покинете Макдонау-Холл. Вы все чемпионы, ведь быть чемпионом – значит всегда делать все, на что способен.

Молодые моряки! Для меня огромное удовольствие видеть вас в составе самой молодой команды на всем нашем Флоте. И, я уверен, ваши родители, как и я сам, считают, что вы большие молодцы.

После завершения финальных поединков молодые спортсмены получают шеврон N (Navy), морскую медаль и копию официальной программы события, а потом ваши мамы устроят для вас праздник с огромным количеством мороженого, печенья и молока.

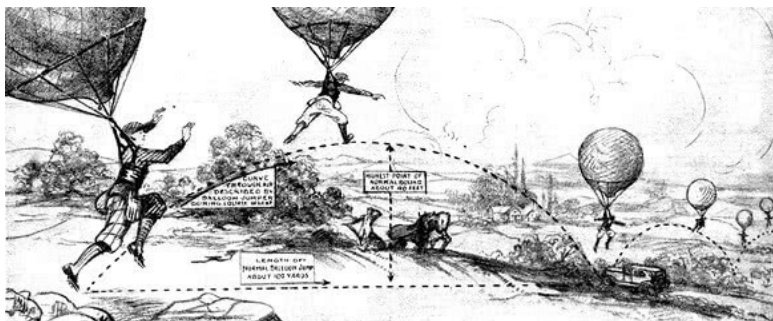
Программа «детского бокса» ежегодно проводилась до конца 1970-х годов.

Прыжки с воздушным шаром

Представьте себе, что на дворе 1920-е и вы стоите где-то в поле. Кругом ни звука, только шелест листьев да отдаленная трель жаворонка. Летнее солнце приятно согревает лицо. И вот порыв ветра, вы пускаетесь бегом и вдруг взмываете в небо. Вы летите в воздухе, это кажется невозможным, но это реально – благодаря огромному шару с гелием. Вы пристегнуты к шару стропами и вместе с ним парите на высоте в сотни футов. Внизу мелькают фермы, леса и луга, а вы легко скользите по небу, болтая ногами над головой у озадаченных фермеров и перепуганных коров. Постепенно вы снижаетесь и плавно приземляетесь на ноги. Шар за вашей спиной снова рвется в небо, а вы оглядываетесь по сторонам, думая, куда бы отправиться дальше. Вскоре вы решаете, что вон те платаны к западу от вас – это достойная цель, и отталкиваетесь от земли в их сторону, словно лунный исследователь. Вы перепрыгиваете с ветки на ветку и проплываете прямо над деревом, чувствуя себя Питером Пэном. Внезапно мир становится очень маленьким, а жизнь кажется безграничной.

Это должно было стать настоящей революцией. «Как насчет собственного маленького воздушного шара? – спрашивал читателей журнал Popular Science в апреле 1923 года. – С ним вы будете проводить воскресные дни, летая в сотнях метров над землей, покачиваясь под наполненной газом сфе-

рой и путешествуя всюду, куда занесет вас прихоть ветра».

Журнал Popular Science (1927) рисует идилическую картину того, какими могли бы быть прыжки с воздушным шаром

«Шар-попрыгунчик» изобрели М. К. Корбетт, В. Э. Хоффман и К. Ф. Адамс, служившие в воздухоплавательной дивизии Армии США в Маккук-Филд, штат Огайо. Устройство, состоящее из воздушного шара и привязанного к нему деревянного сиденья, сперва использовалось техническим персоналом. Это был доступный способ обследовать огромные дирижабли и воздушные шары и ремонтировать повреждения².

² Они также использовались и в аварийных ситуациях: когда воздухоплаватель Георгий Прокофьев готовил к повторному запуску свой злосчастный аэростат «СССР-3», тот застрял в страховочной сетке. Два техника на воздушных шарах были отправлены на выручку. Пока они пытались освободить аэростат от кана-

Постепенно их использование расширялось, и многие стали задумываться, нельзя ли использовать такие шары для развлечения. Считалось, что освоить управление – дело несложное, и это рисовало радужные перспективы: вот бизнесмены летят в офисы, а вот школьники буквально сыплотся с неба.

«Сколько пользы могла бы принести подобная вещица, – рассуждал журналист газеты Joplin News Herald из Миссури в номере от 19 июля 1927 года, рассматривая это изобретение как подспорье для верхолазов и стариков. – Мы могли бы собирать вишни с дерева без риска переломать себе ноги. Мы могли бы обходиться без лифтов и просто запрыгивать в окна офиса на третьем или четвертом этаже. Сотни сложных дел могут сразу же стать простыми».

Легкостью в освоении шар-попрыгунчик был обязан простоте системы управления. Чтобы набрать высоту, достаточно было просто поймать порыв легкого или средней силы ветра, и, в отличие от шаров с горячим воздухом, не нужно было сбрасывать балласт или стравливать газ – все было устроено так, чтобы вес пилота слегка превышал тягу шара. Таким образом, шансы умчаться в стратосферу были минимизированы. Сам шар был примерно 5,5 метра в диаметре

тов, один из них потерял равновесие, упал со своего аппарата и ухватился за веревку, свисавшую с аэростата, чтобы спастись. Несмотря на все героические усилия, когда аэростат поднялся на высоту 1200 метров, произошла катастрофа. Клапан аэростата сорвало, и он рухнул в лесу на полпути между Кунцевом и центром Москвы.

и вмещал около 85 кубометров водорода или гелия. Стратонавты предпочитали именно второй вариант – ведь он позволял выкурить папиросу прямо в полете.

Среди поклонников нового развлечения был сэр Артур Конан Дойл, уже давно окрыленный (простите) идеей использовать небольшие шары, или «водородные ранцы», чтобы облегчить жизнь пешеходам. Вот что он говорил в интервью Associated Press 26 марта 1927 года:

Я считаю, что главное – не перестараться. Если разница между весом человека и тягой шара будет слишком мала, а прыжки слишком велики – это приведет к потере управления и к несчастным случаям. Нам просто нужно сделать так, чтобы человек весом под сто килограммов стал бы весить килограммов 30 и мог бы передвигаться пешком быстро и без усталости. Пусть лучше будут управляемые десятиметровые прыжки, чем рывки на тридцать метров, при которых человеку будут угрожать порывы ветра или незамеченные препятствия.

В номере журнала Science and Invention за январь 1927 года рассказывалось о демонстрации прыжков с воздушным шаром в Англии. Авторы выражали надежду, что этот вид досуга вскоре покорит Соединенные Штаты, и представляли, как могли бы выглядеть соревнования:

Гонки на таких шарах наверняка были бы чрезвычайно увлекательными и при этом вполне безопасными. Интереснее всего было бы наблюдать

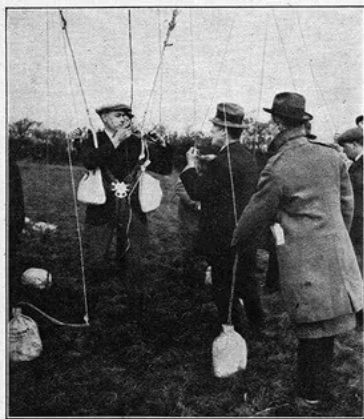
за прыжками через препятствия, ведь именно здесь преимущества шаров стали бы особенно очевидны. Мы рассчитываем, что кто-нибудь из производителей воздушных шаров займется развитием этого спорта в нашей стране.

Фредерик С. Хоппин в материале для журнала *Forum* за август 1927 года описывал прыжки с воздушным шаром как легкий в освоении и достаточно безопасный спорт:

Большая история несчастий, связанных с полетами на больших воздушных шарах, заставляет прыгунов позаботиться о своей безопасности с помощью множества устройств. Это и мешки с песком для противовеса вертикальной тяге шара; и предохранительные застёжки, которые помогут избежать опасности, если внезапный порыв ветра потащит прыгуна при посадке; и даже веревка, один конец которой привязан к поясу прыгуна, а другой – находится в руках у кого-нибудь на земле – она не даст прыгуну превратиться в хвост улетающего воздушного змея.

Несмотря на весь потенциал транспорта будущего и предположительно низкий уровень риска, прыжки с воздушным шаром были чрезвычайно опасны даже для опытных аэронавтов, ставших первопроходцами в этом спорте. Одним из них был Доббс, британский парашютист, служивший в королевских ВВС. «Парашют, – говорил он своим стажерам, – должен быть устроен так просто, чтобы даже высшее ру-

ководство военно-воздушных сил могло в нем разобраться». Доббс был фанатом прыжков с шаром и устраивал демонстрационные полеты, чтобы разжечь интерес публики. В марте 1927 года «Умник» Доббс, как его называли, упражнялся в прыжках на аэродроме Стаг-Лейн в Северном Лондоне. Находившийся поблизости офицер, капитан Блекер, заметил, что Доббса относит все ближе и ближе к линии высоковольтных проводов. «Ради бога, осторожнее! – кричал он. – Провода под напряжением». «Я рискну!» – ответил Доббс и вновь оттолкнулся от земли. Он почти перескочил через провода, но, к несчастью, все-таки запутался в них ногой. Он попытался освободиться, ухватился рукой за провод и тут же полетел на землю в вихре искр. Доббс погиб на месте.

Photographs by P and A

PREPARING FOR A JUMP

The "jumping balloonist" is adjusting his ballast and harness before venturing to leave the ground in an initial jump

OVER AN AUTOMOBILE

Here the balloonist is demonstrating his ability to clear obstacles. A single bound carried him over an automobile

В реальности прыжки с шаром были куда сложнее – и опаснее

Увы, любителям прыжков с шаром так и не удалось опустить уровень опасности своего спорта ниже отметки «зачастую смертельно», а когда истории, подобные той, которая приключилась с Доббсом, оказываются на первых полосах, развлечению сложновато сохранить свою популярность. Прыжки с шаром нужно рассматривать как продукт своего времени – эпохи покорения воздуха и безумства храбрых. Тогда становится понятно, как этот спорт был придуман и какой восторг должна была вызывать мысль о свободном полете. И сегодня, трясясь в душном вагоне среди потеющих незнакомцев, легко представить, сколько радости дарил этот

спорт своим любителям, и пожалеть, что эта идея толком так и не взлетела.

«Раскоряживание» белки

Орнитолог Джеймс Одюбон, которому довелось жить в Кентукки с 1808 по 1834 год, оставил свидетельства о разнообразных стрелковых развлечениях обитателей американского фронта. Игра «Забей гвоздь» требовала от участников попасть пулей точно в шляпку гвоздя со ста шагов и загнать его в дерево. Название игры «Потуши свечу» – еще одного соревнования снайперов – тоже внятно описывает суть происходящего. Но рано или поздно стрелкам, жаждавшим стрелять по движущимся целям, все это начинало казаться чересчур простым. Тогда прицелы ружей обращались в сторону лесов, просто кишевших белками – как писал Одюбон, «они резвились буквально на каждом дереве вокруг».

Для зверьков быстро наступили тяжелые времена: в мае 1796 года Kentucky Gazette писала об охотничьем отряде, вернувшемся из однодневного похода с добычей в 7941 тушку. Игра «Убей белку корой» отличалась от обычной охоты одним простым условием – животное нельзя было уложить прямым выстрелом. Вместо этого стрелять нужно было в кору дерева, на котором сидела белка. Вот как писал об этом Одюбон, сопровождавший легендарного первопроходца Дэниэла Буна на подобной охоте:

Представьте, как я был удивлен, когда понял, что пуля попала в кору прямо под белкой, разбив ее на

осколки, которые мощным ударом и убили животное, подбросив белку в воздух так, будто под ней взорвался пороховой погреб.

Мастерство охотника заключалось не только в точности стрельбы, но и в умении быстро перезарядить ружье. Все это складывалось в напряженное спортивное соревнование, дававшее прекрасные возможности для игры на ставках, и сельские уголки Кентукки наполнились звуками выстрелов и сыплющимися с деревьев беличьими тушками. Охотники, подражавшие народному герою Дэниэлу Буну, носили хвостики в качестве трофеев, а мясо отправлялось на жаркое – этот популярный на фронтире рецепт назывался «бургю».

Прыжки через бочки

Если собрать команду знатоков и предложить им изобрести вид спорта, где человек с максимальной гарантией сломает себе хребет, скорее всего, они выдумают что-то, очень напоминающее прыжки через бочки.

Более трех веков назад катание на коньках по замерзшим водоемам уже было популярнейшим в Голландии видом досуга. Часто можно было увидеть, как конькобежцы пытаются перепрыгнуть через сугробы, торосы или какие-нибудь рукотворные препятствия. Это развлечение столетиями существовало в подобном виде, пока в первые годы XX века не началось его превращение в отдельную спортивную дисциплину. Границы уличных катков, а также рек и озер часто обозначались бочками из-под яблок или муки, и конькобежцы соревновались, кто за один прыжок перепрыгнет максимальное количество бочек. Разогнавшись до 30 миль в час (около 48 км/ч), прыгун взмывал в воздух ногами вперед – техника была такой же, как и в обычных прыжках в длину. Манера приземления тоже совпадала – прямо на копчик или таз, так чтобы кости трещали. Причем на заре развития спорта не использовалась никакая смягчающая или защитная экипировка. Американский конькобежец-чемпион Эд Лэми активно популяризировал новые соревнования. Лэми был известен как яркий шоумен – например, у него была традиция пере-

секать финишную черту, катясь спиной вперед. В 1912 году он установил рекорд, перепрыгнув разом 14 бочек и преодолев дистанцию в 27 футов и 8 дюймов (около 843 см; это принесло ему место в коллекции удивительных диковинок Рипли «Хотите верьте, хотите нет»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.